

РАЗВЕДКА

41 ГО

КОЛОННА ПРИГОВОРЕННЫХ

Разведгруппа
решила судьбу
фашистского
танкового
корпуса

АЛЕКСАНДР
ТАМОНИКОВ

Фронтальная разведка 41-го. Боевая проза Тамоникова

Александр Тамоников

Колонна приговоренных

«ЭКСМО»

2025

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Тамоников А. А.

Колонна приговоренных / А. А. Тамоников — «Эксмо»,
2025 — (Фронтальная разведка 41-го. Боевая проза Тамоникова)

ISBN 978-5-04-250108-1

Боевые романы о ежедневном подвиге советских фронтовых разведчиков. Поединок силы и духа, когда до переднего края врага всего несколько шагов. Подробности жестоких боев, о которых не рассказывают даже ветераны — участники тех событий. Начало 1945 года. Красная Армия готовится к Сандомирско-Силезской операции по освобождению Южной Польши. На одном из участков фронта разведчикам капитана Глеба Шубина удается захватить в плен немецкого летчика. С его слов, в близлежащем районе противник скрывает танковый корпус, который должен будет ударить в тыл наступающим советским частям. Командование приказывает Шубину проверить эти данные. Разведчики уходят в рейд и вскоре действительно находят замаскированные вражеские танки. Нужно срочно доложить об этом в штаб. Но на обратном пути Шубин и его товарищи неожиданно сталкиваются с серьезным испытанием, заставившим капитана изменить первоначальные планы... Общий тираж книг автора — более 10 миллионов экземпляров.

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-250108-1

© Тамоников А. А., 2025
© Эксмо, 2025

Содержание

Глава первая	6
Глава вторая	14
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Александр Тамоников

Колонна приговоренных

© Тамоников А. А., 2025

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2026

Глава первая

– Ну вот, товарищи командиры, – командир 56-й гвардейской танковой бригады гвардии полковник Захар Карпович Слюсаренко осмотрел присутствующих на бригадном собрании командиров, – теперь вы в курсе, что наше командование назначило дату стратегического наступления всего нашего 1-го Украинского фронта на начало января. И наша танковая бригада вместе с остальными бригадами и корпусами 3-й танковой армии будет участвовать в наступлении по направлению к Одру. А потому завтра ваш отпуск, так сказать, заканчивается...

Слюсаренко сделал паузу и хотя строго, но с легкой усмешкой посмотрел на своих офицеров. Он понимал, что сейчас он сообщит им не очень приятную, но тем не менее весьма долгожданную новость. Но, как говорится, делу время, а потехе час, и этот час истек. Наступало время не просто для дела, а для великих свершений. Именно это зимнее, в начале 1945 года, наступление Красной армии по направлению к Силезии должно было стать началом окончательного разгрома фашистских сил.

– Как вы знаете, наши основные бронесилы с августа находятся в районе гмины Бильча. Вот и нам предписано присоединиться к ним. Завтра мы покидаем Опатув. Будем готовиться к наступлению. Есть вопросы?

– А в Опатуве мы чем занимались, если не готовились к наступлению? – усмехнувшись, шутливо поинтересовался майор Нодар Барамович Чихвидзе – командир роты техобеспечения бригады. – Мои ребята столько техники восстановили и...

– Речь не о вашей роте, Нодар Барамович, – прервал его Слюсаренко. – Я просто хотел сказать, что сейчас подготовка к наступлению выходит на решающую стадию. В основном, конечно, будет работа для нас, командиров, и для разведки, – посмотрел он в сторону командира батальона бригадной разведки майора Бабенко.

– Мои ребята тоже вроде бы не сидели в тепле и довольстве, – вступился за разведчиков тучный майор Бабенко. – Вот недавно наладили связь с местными партизанами.

– Тимур Олегович, кто бы спорил, – с улыбкой развел руками Слюсаренко. – Наша бригадная разведка – лучшая из лучших. Но я опять же не о том сейчас говорю. Нам предстоит теперь не просто проводить разведку, чтобы выведать расположение и силы врага, – это мы и так в основном уже выяснили. Нам надо, чтобы наступление нашей танковой армии прошло успешно и без всяких сюрпризов со стороны врага. Вот что я хотел подчеркнуть.

Слюсаренко встал и, подойдя к карте, показал на ней два направления, прокомментировав свои действия:

– Мы с вами проводили разведку по направлению к Кельце, потому как первоначально предполагалось, что наша бригада будет прорывать фронт немцев именно в этом направлении. Но теперь, когда все действия 3-й танковой армии скоординированы с остальными частями фронта, было принято решение перекинуть наше наступление, я имею в виду, наступление нашей бригады конкретно... – Слюсаренко повернул голову от карты и посмотрел в сторону офицеров, сидевших за столом. – Так вот, теперь совместно с остальными танковыми бригадами нам нужно будет гнать немцев в сторону Хмельников, Енджеюва и далее в район Конецполя и Влоцова. Пока что у меня нет точных данных, куда мы будем двигаться далее. Но многое будет, как я уже сказал, зависеть от нашей разведки и от того, куда посчитает нужным перебросить нас наше командование.

– Мы всегда пожалуйста, – заметил Бабенко. – Ребята у меня орлы. И летают далеко, и видят зорко.

– Сейчас, когда установилась погода, – продолжил Слюсаренко, возвращаясь на свое место, – наша авиация проводит разведку глубокого тыла противника. И на основании полу-

ченных разведанных будет корректироваться и продвижение всей армии. Но и нам с вами не стоит расслабляться. У немцев было достаточно времени с начала осени, чтобы подготовиться к обороне. Наверняка фашисты подготовили немало неприятных для нас сюрпризов. Они понимают, что прорыв мы готовим большой и стремительный, а потому проводить его будем прежде всего с помощью танков и самоходных орудий.

– Я знаю, что плотность артиллерии у нас на все наши километры плацдарма очень большая... – заметил гвардии полковник Зицер, который являлся начальником штаба бригады.

– Да, Семен Ильич, – согласно кивнул Слюсаренко. – Артиллерия, как говорят в солдатской среде, – королева войны, и она играет большую роль на поле сражения. Немцы это знают и явно готовятся переждать артиллерийский шквал в надежных укрытиях. Наша задача – задача танковых подразделений – не позволить им спрятаться. Не дать это сделать и гнать их от их окопов подальше так быстро, как только возможно. Поэтому скажем так. Если артиллерия – королева, то мы, танковые части, – боевые слоны, которые под прикрытием ферзя, если продолжать развивать шахматную терминологию, могут нанести стратегическое поражение пешкам и поставить мат противнику, действуя совместно с конем и королем.

– А кто у нас конь и кто король? – поинтересовался один из молодых офицеров.

– Король – это наш главнокомандующий, это всем и так понятно, – вместо Слюсаренко ответил ему Зицер. – Ну а конь... – Он на секунду задумался, а потом закончил: – Наша «рабочая лошадка» – это пехота. Тут без вариантов. Она на своих плечах, считай, всю войну вытянула. Если бы не пехота, то и танки, то есть слоны, не смогли бы ничем помочь. Правильно я говорю? – посмотрел он на Слюсаренко.

– Правильно, Семен Ильич, – кивнул тот и продолжил: – Поэтому всем даю один день на сборы и сворачивание. Завтра вечером бригада должна выйти в полном составе в сторону Бильчи. Все вопросы отменяются, – поднял он руку, тем самым давая понять, что совет закончен и всем командирам можно расходиться.

* * *

– Вернулся?

Лейтенант Ренат Астафьев, коротко глянув на вошедшего в комнату Глеба Шубина, снова опустил голову и углубился в изучение слов в немецко-русском словаре.

– Где Зубов? – последовал ответный вопрос.

– А то сам не знаешь где, – не поднимая головы, ответил Астафьев. – Оба у пани Марты. И он, и Юдитка. Весь вечер там торчат, словно медом им там намазано.

– Ну, Юдита – понятно, – усмехнулся Шубин. – Она каждый вечер у нее бывает. Ее пани Марта учит на машинке швейной шить. А Зубов – он что, и минуты дома посидеть не может? Едва я к Бабенко ушел, и он за порог.

– Ты чего такой недовольный вернулся? – почувствовав настроение своего командира, оторвал взгляд от словарика Астафьев.

– Сходи за ним, – не отвечая на вопрос, попросил своего заместителя Глеб. – Поговорить надо.

Ренат молча встал, положил в словарик закладку из газетного обрывка и вышел из комнаты.

Все трое так и жили в квартире, которая когда-то принадлежала Катажине Кароль – тетке восьмилетней польской сироты Юдиты. Саму Катажину арестовали и посадили в тюрьму за связь с немцами и пособничество фашистскому режиму, а Юдита после смерти своей бабушки Дороты перешла в ее квартиру. Вместе с ней из холодной хаты в квартиру перебрались и три боевых товарища-разведчика – Глеб Шубин, Ренат Астафьев и Анатолий Зубов.

Пани Марта, которая была соседкой Катажины, пришлось по душе Анатолию, хотя он и был младше полячки почти на девять лет. Та ответила ему взаимностью, правда, не торопилась дать советскому парню свое согласие на совместное жительство, тем более, о чем мечтал мечтал сам Зубов, на брак. Хотя согласилась ждать его возвращения после окончания войны. Война – дело непредсказуемое, и кто знает, как все повернется в этой заварухе? Этого никто не мог предсказать. Все чувства к Анатолию полячка держала глубоко в себе, хотя иногда и делилась своими мыслями с Юдитой, которой предложила стать ее приемной дочерью.

Юдита не возражала против и своего удочерения, и откровений пани Марты. Женщина была ласкова и добра к девочке, а приткнуться ей все равно к кому-то надо было, чтобы не попасть в сиротский дом, в котором жизнь и в лучшие-то времена не считалась малиной, а уж сразу после оккупации – тем более. Да и Анатолий нравился девочке. Он был в ее глазах не просто красивым молодым парнем, но человеком с легким, веселым характером и еще другом, с которым она легко находила общий язык и общие занятия.

В общем, по разумению Глеба Шубина, Зубов, Марта и Юдита были бы прекрасной семьей, если бы эти их отношения начались не во время войны, а в мирное время. И хотя, по мнению самого Анатолия Зубова, все еще у него и у этих двух милых его сердцу полячек было впереди, но Шубин тем не менее, не спешил с окончательными выводами. Война, как уже было сказано, – явление непредсказуемое, особенно в отношении судеб людей, которые в этой войне варились, словно в кипящем котле, и не могли знать, что она, эта война, им готовит завтра, тем более – послезавтра. Послезавтра – срок на войне, можно сказать, фантастический и несбыточный.

Именно обо всем этом и думал Глеб, сидя за столом в одиночестве и уставившись в одну точку, когда в комнату вошли Астафьев и Зубов.

– Ты что такой хмурый? – веселым голосом поинтересовался Анатолий. – Подумаешь, не застал меня в квартире. Ну, постучал бы к Марте...

Он резко замолчал, наткнувшись на задумчиво-суровый и не видящий его взгляд Глеба. Подождал ответа, но, когда того не последовало, подошел ближе к Шубину, положил ему руку на плечо, чуть потрянул его и спросил:

– Глеб, ты чего? Случилось чего? Опять в разведку посылают? Так ведь это и хорошо. Засиделись уже. Радоваться надо...

– Вот и радуйся, – очнувшись от задумчивости, ответил Шубин. – Завтра вечером вся бригада передислоцируется в район гмины Бильча. Приказ командующего 3-й танковой армией генерал-полковника Рыбалко. Ты рад? – поднял он глаза на смутившегося от таких известий Зубова.

– Что, прямо-таки уже завтра вечером и уходим? – выдавил из себя Анатолий.

– Да, прямо завтра в семнадцать ноль-ноль, пока еще не совсем стемнело, выходим в сторону Бильчи, – ответил Шубин и встал. – Ужинать будем? – спросил он, ни к кому конкретно не обращаясь.

– Я сейчас вернусь. – Зубов, опустив голову, быстрым шагом направился к входной двери.

– Толик, стой! – попытался остановить его Астафьев.

– Пускай идет, – в свою очередь остановил Рената Шубин. – Это нам с тобой, кроме своих жизней, терять нечего. А у него... – Глеб вздохнул, но продолжать не стал. Тут и без всяких слов было все понятно. Даже Астафьев, которому не очень импонировало то, что Зубов так сильно привязался к полячке, промолчал. Не то чтобы Ренат вообще был против серьезных отношений во время войны – даже наоборот, он немного завидовал тем, кто, как, например, танкисты из их бригады – Шура Горохова и Коля Ревунец, – находили свою любовь и судьбу в столь тяжелое время. Они, считал Астафьев, заслужили эту любовь, заслужили считаться семьей, фронтовой семьей. Он и сам был бы не прочь найти себе не просто временную боевую

подругу, но жену, с которой бы прошел весь путь до самого Берлина, до самой победы. Если бы, конечно, получилось дойти до того счастливого дня живым.

Но Ренат никак не мог понять, что может быть общего у советского бойца с польской пани. Как эти отношения вообще могут быть и считаться серьезными? Ладно бы, подружились, полюбились и с миром разошлись – война все спишет, но вот так, чтобы серьезно, чтобы ждать окончания войны и, вернувшись в Польшу, создать семью...

– Не понимаю, – решил поделиться он своими мыслями с Шубиным, когда они остались вдвоем. – Не понимаю я Толика, хоть убей. Зачем ему эта пани Марта? Нет, конечно, чувства, любовь и все такое, – торопливо заговорил он, когда увидел, что Глеб что-то хочет ему возразить. – Но ведь он верит, что она будет его ждать и будет надеяться, что он сможет к ней приехать. Ну, приедет он, ну, дождется его она. А что дальше-то?

– Увезет с собой, – предположил Глеб.

– А она захочет? – посмотрел на него удивленно Астафьев.

– Почему бы и нет?

– Ну, не знаю, – развел руками Ренат. – Она – полячка и привыкла жить по своим, польским законам. Ей у нас в Союзе будет тесно и скучно.

– Почему ты так решил? – улыбнулся Глеб. – погоди, Ренат. Может, ты чего-то не понимаешь? Я, например, думаю, что вернется к ней наш Толик майором и вся грудь в орденах. Так?

– Ну, предположим, так, – кивнул Астафьев.

– А куда он вернется, ты подумал? Какой будет Польша после окончания войны?

– Какой? Свободной.

– Свободной не только от немецких оккупантов, но и от панов, от богатеев. А значит – что? Тут у пани Марты будет выбор – ехать или остаться. Правильно говорю?

– Глеб, я не понимаю, к чему ты клонишь, – посмотрел на Шубина Ренат.

– Да как же ты не понимаешь? – нахмурился Глеб. – Выбор ведь будет не только у пани Марты, но и у Зубова. Он вполне может захотеть остаться в Польше и строить вместе с польским народом на этой земле новую жизнь. Ты об этом не думал?

Астафьев задумчиво почесал затылок. Помолчал.

– Нет, я об этом не думал, – честно признался он. – Мне как-то и в голову не приходило, что Толик решит остаться после войны в Польше, а не вернется в свой... Кстати, откуда он?

Глеб не ответил, только пожал плечами. Наверняка Зубов ему когда-то и рассказывал, откуда он родом, но Шубин забыл.

– Разве это важно, откуда он родом? – сказал он после некоторого молчания. – Мне кажется, что наша Родина – это не только место, где мы родились и выросли и где живут наши родители. Это понятно, это близко, это наша малая родина. Но если мы ее покидаем, если находим близкого по сердцу человека где-то далеко от места, где мы родились... Разве то место, где живет этот человек и в котором мы остаемся, чтобы жить, работать и создать семью... Разве оно не становится для нас тоже родиной?

– Становится, наверное, – не очень уверенно ответил Астафьев и продолжил рассуждать: – Но ведь когда мы уезжаем из дома, это все равно не чужая нам страна. Наш Союз очень большой, но он наш, родной. А Польша – чужая страна...

– Была чужая, – снова прервал его Шубин. – Мир меняется, Ренат. Никто – ни ты, ни я – не может с уверенностью сказать, каким он станет завтра. Мы можем только мечтать, хотеть и стремиться делать все, чтобы он стал лучше, чище и свободнее, чем был до войны. Я верно говорю?

– Верно, – вынужден был согласиться Ренат.

Он хотел добавить еще что-то, но тут в квартиру вся в слезах вбежала Юдита и кинулась на шею Шубину, а потом и Астафьеву.

– Не хотцу, не хотцу, абисцей абесцди, уходить! Юдита поти с вами. Я не хотцу поцоставач одна, – смешивая русские и польские слова, рыдала девочка.

– Тю, Юдитка, а я думал, что ты уже взрослая панночка, – рассмеялся Шубин, глядя девочку по волосам. – А то ты не знала, что нам надо будет скоро уходить. Ведь знала же?

– Цнала, – кивнула Юдита. – Но не хотец.

– Мало ли чего мы хотим или не хотим, – вздохнул Астафьев. – Надо еще, чтобы наши хочу и не хочу каким-то образом выполнялись. Правильно? Ты ведь не хочешь, чтобы немцы в город вернулись? Не хочешь. Вот мы их подальше и прогоним. А потом вернемся.

– Не вернотцес, – покачала головой и судорожно вздохнула Юдита. – Даце естли не убиват вас, все одно не вернотцес.

– Ну, Толик-то точно вернется, – заметил Глеб. – А это уже, считай, то же самое, что и мы с Ренатом к вам вернулись. Зубов вам обо всех наших геройских делах так расскажет, в таких красках распишет, словно мы сами вам с пани Мартой все рассказали, – улыбнулся он и вытер ладонью слезы со щек девочки.

– Думаю, что он тоце не приидет до нац, – тяжело вздохнула Юдита, но по тому, что она стала успокаиваться, было видно, что она сама не верит своим словам.

– Это я-то не вернусь? – раздался у них за спиной голос Анатолия. – Умру, а все равно до вас приду, – подхватил он Юдиту на руки и, усадив ее на плечо, зашагал по комнате, декламируя: – Не верь, не верь своим слезам, не верь, не верь, своим страданьям...

– Пуцти, пан Толик, пуцти! – рассмеялась Юдита сквозь слезы и слегка постучала Зубова по макушке.

Анатолий хоть и опустил девочку с плеча, но не отпустил от себя и, прижав к себе, радостно воскликнул:

– Она обещала меня ждать! Столько ждать, сколько будет нужно!

Потом снова подхватил Юдиту на руки и, подкинув ее к потолку, а потом ловко поймав, поставил ее на ноги.

– А ты, Юдитка, будешь меня ждать?

– Будешь, – с самым серьезным видом кивнула девочка.

– Все это хорошо, – заметил Шубин, который с улыбкой наблюдал всю эту эскападу Зубова. – Но у нас сегодня с Ренатом столько дел, что вы тут оставайтесь и дальше радуйтесь, а мы пойдем. Собирайся, – обратился он к Астафьеву. – Любушкин уже пошел к своим бойцам сообщить новость, пойдем и мы.

– А как же ужин? – посмотрел в сторону кухни Астафьев. – Ты же сам хотел...

– Поужинаем позже. Вернемся и поужинаем, – поторопил его Глеб и потянул из комнаты в прихожую.

– А мне что делать? – остановил Шубина Анатолий, взяв его за рукав.

– Ты пока останься, мы и без тебя управимся, – кивнул Глеб, и они с Ренатом ушли.

– Ты чего это вдруг так заторопился? – недовольно проворчал Астафьев, когда они вышли на морозный воздух вечернего города.

– А то ты сам не понял, – посмотрел на него Глеб и покачал головой, сетуя на недогадливость Рената. – Пускай побудут немного втроем. Без суеты, без спешки попрощаются. Скажут друг другу нужные слова... Завтра не до того будет. Надо проверить всю мототехнику, чтобы на ходу была и заправлена. Да и других забот хватит, – махнул он рукой.

* * *

Вернулись Шубин с Астафьевым в квартиру только часа через три. Оба они были озябшие и мокрые от снега, который, словно бы специально подгадав и дождавшись, когда разведчики выйдут на улицу, начал валить с неба крупными, мокрыми хлопьями. Помогал ему еще

и усилившийся к ночи ветер. Метель задувала снег в лицо, и тот налипал на небритые щеки, таял и тут же превращался в крупные капли.

– Хорошо, хоть мороза нет, – заметил Астафьев. – Температура ближе к нулевой, так что техника не замерзнет.

– Зато дороги перемерзнет, – ответил Шубин. – А не перемерзнет, так расквасит.

Астафьев ничего не сказал в ответ и только подумал, что все равно они, разведчики, начнут выдвигаться только после того, как по дорогам пройдут танки.

Едва Шубин и Астафьев подошли к дому, как услышали музыку, звучавшую из одной из квартир. Окна в доме были освещены, и разведчики не сразу поняли, что музыка слышна именно из той квартиры, которую они занимали. Но едва поднялись на площадку, как дверь их квартиры широко открылась и вывалилась целая компания. На лестничной площадке было темно, но в свете, который лился из открытой двери, Глеб ясно различил среди вышедших фигуры Шуры Гороховой, Коли Ревунца и Коломейца.

– А мы вас ждем-ждем, а вы где-то совсем пропали! – воскликнула Шура и рассмеялась. – Какие вы смешные! Мокрые все! Входите, входите скорее, – потянула она в квартиру Глеба, который несколько опешил от такого неожиданного сюрприза.

Коломеец и Ревунец тоже посмеивались над удивленными лицами разведчиков и в один голос торопили их войти. Из квартиры, в которой жила пани Марта, выскочила Юдита, она несла в руках какой-то кувшин. Крикнув по-польски что-то вроде «посторонись», девочка пронеслась дальше в прихожую и свернула в сторону кухни.

– Я чего-то не понял, – наконец-то выдавил из себя ошарашенный Шубин. – Что это у нас тут происходит?

– Как что? – широко и приветливо улыбаясь, переспросил Коломеец. – Проводы происходят. Шура вот пришла попрощаться с вами. Завтра мы в Бильчу уезжаем, но это вечером будет, а Шура завтра днем на ту сторону Вислы отправляется, а потом домой. В тыл, значит. Не тут же ей дитя вынашивать и рожать. Во время наступления – какие же роды-то? – тараторил пожилой водитель-механик.

– Мы как узнали, что завтра всех в район Бильчи перебрасывают, так сразу и решили к вам зайти попрощаться. Приходим, а тут уже и без нас пир горой намечается, и народу полный дом, только вас двоих нет, – присоединился к нему Коля Ревунец, помогая Глебу снять мокрый от снега и потому тяжелый офицерский полушубок.

– Все равно ничего не понимаю, – пожал плечами Глеб и посмотрел на Астафьева. – А ты, Ренат, что-то понимаешь?

– А что тут понимать? – в прихожую, и без того тесную от набившегося в ней народа, протиснулся майор Першин. – Так уж получилось, что совпали наши желания прийти к вам и затеять проводки, как говорят у нас в Курщине.

– Андрей Михайлович, и вы тут?! – удивился Астафьев.

– Да вот, – развел Першин руками и широко улыбнулся, – решил зайти к вам и попрощаться с пани Мартой и Юдитой, а тут уже полон дом. Пришлось задержаться – куда ж тут денешься?

Глеб и Ренат, по-прежнему пребывая в недоумении, вошли в большую комнату и встали как вкопанные. Народу действительно было немало. К их удивлению, кроме Першина и экипажа командирского бригадного танка пришли еще и старики-поляки, еще одни соседи с площадки, с которыми за месяц у разведчиков сложились хорошие отношения. Была тут и пара знакомых продавцов с рынка, с которыми успел подружиться общительный Анатолий Зубов. А также, к наибольшему удивлению Шубина и Астафьева, Бартош и Галина из местного польского партизанского отряда.

– Вот, пришел вернуть Анатолию его полушубок, – обнявшись с Глебом, пояснил по-польски Бартош. – А он не берет. Говорит, что честно проиграл его мне в «орлянку». Но как я

могу его взять, когда у вас наступление на носу? – Последнюю фразу он сказал уже по-русски и для полной убедительности постучал пальцем по кончику своего носа.

– Глеб, да скажи же ему, чтобы не отдавал мне полушубок! – протиснулся к ним Зубов. – У меня есть еще один. Говорю ему, что мне его выдали в качестве компенсации за мой проигрыш, а он не верит.

– Правильно делает, – вставил Астафьев. – Ты у нас врун тот еще. Нет у тебя никакого полушубка, в шинели вон ходишь.

– Вот вечно ты, Ренат, со своей правдой-маткой все испортишь, – раздосадованно отозвался на его слова Анатолий. – Нет сегодня, будет завтра. Может, я уже договорился с нашим интендантом, что он мне на днях выдаст новый полушубок? Ты ведь этого знать не можешь?

– Не могу, – согласился Астафьев. – И не верю тебе, что ты договорился, потому как ты с Картополовым вечно на ножах. Он тебя терпеть не может и в жизни не даст тебе никакого тулупа. Скорее застрелится, чем даст, – рассмеялся Ренат.

– Презентан сие клоосак, – просунулась между взрослыми Юдита. – Марта усех к цтолу зоветц. Настепни доспоритце, – пригласила она.

Все стали шумно рассаживаться за стол, который чем только не был заставлен. Видимо, гости тоже принесли с собой всякой всячины, решил Глеб, так как точно знал, что такого изобилия в их повседневной солдатской жизни в Опатуве еще никогда не бывало.

Время за разговорами и общением пролетело незаметно. Расходиться начали уже далеко за полночь. Первыми ушли спать соседи-старики, потом ушли и знакомые поляки-торговцы. Следом за ними собрались уходить и Бартош с Галиной. Зубов так и не принял обратно от польского партизана проигранный полушубок.

– Вот закончится война, вернусь в Опатув к пани Марте и Юдитке, тогда и отдашь мне его. А пока носи, – сказал он Бартошу, обнимая его и похлопывая дружески по спине. – А то и не отдавай, – внезапно пришла в голову Зубову хорошая мысль. – Считай, что это мой тебе подарок к свадьбе с моей землячкой. Договорились? – протянул он руку партизану.

– Договорылисиц, – старательно выговаривая русское слово, пожал ему руку в ответ Бартош.

Экипаж танка Слюсаренко задержался дольше всех. Уже и Марта отвела Юдиту к себе в квартиру и уложила спать, а танкисты и разведчики все сидели за столом и вели неспешную беседу о солдатском житье-бытье, о скором наступлении, о будущей мирной жизни. И только когда Шура начала зевать, Коломеец встал и решительно сказал:

– Все, пора и честь знать. Засиделись, однако. Вон, Шура уже зевает, а значит, пора на боковую.

Когда вышли на площадку, Шура, несколько смущаясь, подошла ближе к Шубину и, отведя его в сторону, что-то протянула ему. Сначала Глеб ничего не понял, когда Котигорошек, как ласково называли Горохову все танкисты бригады, протянула ему что-то, зажатое в кулачке.

– Вот, – сказала она. – Это мой вам, товарищ капитан, подарок. Вернее, наш с Колей вам подарок.

Она раскрыла кулачок, и Шубин, к своему немалому удивлению, увидел на ее ладони маленький образок на тоненькой цепочке. Какое-то время он смотрел на образок молча, не решаясь взять его.

– Я ведь тебе говорил, что не надо, – толкнул Шуру в бок локтем подошедший к ним Колька. – Только смутила своим бестолковым подарком товарища капитана.

Глеб осторожно, за цепочку, взял подарок и, положив маленькую иконку на свою ладонь, стал с интересом рассматривать нарисованный на нем образ Богородицы.

– Это мамина, – пояснила Шура, не обращая внимания на Колькины слова. – Я вообще-то комсомолка, – еще больше смутившись, сказала она, – но маме разве можно отказать? И

потом... Она ведь мне один раз жизнь спасла. – Шура кивнула на иконку. – Вот и Колька не даст соврать. Ведь было же, было?

– Было, – подтвердил Ревунец и обнял жену за плечи. – Но если вы не хотите, то...

– Хочу, – ответил Шубин и добавил: – У моей бабушки, помнится, был похожий образок. Вернее, у прабабушки. Ее с ним и похоронили. Я тоже не сказать, что верующий. Как уж воспитали, такой и есть. Но если он тебе жизнь спас, то, значит, все неспроста.

– Конечно, неспроста, – согласилась Шура, потрянув рыжей шевелюрой. – А то как бы я тогда сейчас в себе младенца от Кольки носила? Это же чудо, что я живой осталась, и вот... – Она кивнула на свой уже немного округлившийся живот.

Глеб не стал вешать образок себе на шею, но, бережно завернув его в платок, спрятал в левый нагрудный карман гимнастерки.

– Береги себя, Котигорошек, – обнял он Шуру.

– И вы себя берегите, товарищ капитан... Глеб, – добавила она и быстро стала спускаться по лесенке.

– Шубейку застегни, а то простудишься, – кинулся следом за ней заботливый Колька.

Распрощавшись с Коломейцем, который поспешил догонять своих, Зубов, Шубин и Астафьев вошли в квартиру.

– Вы со стола не прибирайте, я сама все уберу, – встретила их пани Марта.

– А я помогу, – не принимая возражений, сказал Анатолий. – Идите спать, товарищ капитан. В комнату Юдиты идите, там сегодня никого нет, там и ложитесь.

Глеб не стал возражать против такого расклада и, пожелав всем спокойной ночи, ушел спать в комнату девочки. Минут через десять, когда он уже почти засыпал, к нему присоединился и Астафьев.

– Зубова не ждем, – сказал он и, улегшись на расстеленный на полу матрац, зевнул.

Глеб не ответил. Засыпая, он подумал, что даже немного завидует сейчас Толику, который наверняка будет ночевать эту их последнюю ночь в Опатове у пани Марты.

Глава вторая

Переход танковой бригады из Опатува в район Бильчи не был таким уж спокойным и быстрым, как бы того хотелось всем – и бойцам, и командирам. Видимо, немецкая разведка каким-то образом узнала о передвижениях 56-й гвардейской, и фашисты решили остановить 3-ю танковую армию и по возможности уничтожить как можно больше машин в слюсаренковской бригаде.

Налет бомбардировщиков на колонну танков случился уже в сумерках. Но немцам не повезло. Советское командование, предвидя такой вариант, посчитало нужным выслать в район передвижения колонны несколько самолетов. Едва немецкие тяжелые бомбардировщики появились в небе над колонной, как их атаковали наши штурмовики Ил-2.

Два немецких истребителя, которые прикрывали полет бомбардировщиков, пытались вступить с нашими штурмовиками в бой и отвлечь их, но силы были неравны – два немца против четверки Илов. Итог боя был решен буквально за несколько минут. Оба истребителя, несмотря на свою увертливость и скорость, были сбиты, а остальные самолеты, хотя и успели скинуть по нескольку бомб, пролетая над танковой колонной, предпочли убраться восвояси, так и не выполнив поставленной перед ними задачи.

– Ах вы ж змеи подколодные! – выругался Зубов, когда совсем неподалеку от его мотоцикла посыпались комья мерзлой земли. – Давайте, ребятки, накрутите им хвост, чтобы знали, как с танкистами связываться! – добавил он.

– Ты это к кому сейчас обращаешься? – насмешливо поинтересовался Шубин, сидевший позади Анатолия. – К нашим летчикам или к танкистам? Или еще к кому?

– К летчикам, – ответил Зубов. – Вон они, погнались фрицев, – указал он рукой в рукавице в сторону удалявшегося звука самолетных двигателей.

Колонна благополучно добралась до своих, но немцы не прекратили попыток совершать налеты на 3-ю танковую армию Рыбалко чуть ли не каждый день.

– Ничего, – приговаривал Зубов. – Ничего. Скоро мы с вами поквитаемся за все.

Но наступил январь, а команды к наступлению все не было. Шубин со своими ребятами уже изучил всю местность вокруг расположения их бригады и ждал приказа выступить. Как-то к ним в землянку, в которой они опять же обосновались втроем, зашел в гости Коломеец.

– Я разговаривал со знакомыми ребятами-танкистами из соседней 52-й бригады, – сказал он, – они говорят, что якобы приказа нет из-за союзников. Они, мол, застряли где-то в каких-то Арденнах. Увязли в немецкой обороне и тем самым тормозят наше наступление. А мы выжидаем, когда они прорвут немецкую оборону, чтобы уже совместно с ними двигаться через Польшу к Силезии, а там и на Берлин.

– Может, оно и так, – произнес с некоторым беспокойством, но не стал возражать ему Зубов. – Только я так думаю, что мы не наступаем не из-за союзников, а ждем, когда погода установится. Посмотри, что снаружи творится!

Снаружи и вправду мело. Но метель была не такой уж и сильной, чтобы заматать путь танкам, которые должны были выдвинуться вперед перед пехотой сразу же после работы артиллерии, поэтому доводы Зубова никто не воспринимал всерьез, в отличие от рассуждений Коломейца.

– Союзники – это, конечно, хорошо, – вступил в разговор Астафьев. – Но пока они в этих Арденнах немцев выковыривают, мы тут сил набираемся. Немец тоже не дурак, понимает, что к чему, и наверняка уже перебрасывает в Польшу дополнительные войска. А откуда ему их взять? Лишних частей у него не так уж и много. Фронт-то вон как растянулся. Наверняка с этих Арденн и потянет немец резерв. Так что еще непонятно, кто кому помогает – они нам или мы им.

– Это точно, – согласился с ним Коломеец. – Как по мне, что немцы, что американцы, что англичане – нет в них ничего для советского человека хорошего. Все они, как один, враги пролетариата. Так-то.

– А что же они тогда нам помогать взялись, если враги? – поинтересовался у него Зубов. – Наверняка они поняли свою ошибку и хотят с нами дружить, потому и помогают. Как думаешь, Глеб? Чего молчишь-то?

– Не знаю, что и сказать, – улыбнулся Шубин. – Но думаю, что дядя Митя прав и помогают они нам не потому, что поняли свою ошибку, а потому, что, если не помогут, фашисты когда-нибудь и до их Америки и Англии доберутся. Я слышал, что они Лондон еще с сорокового года бомбят.

– Как бы там ни было, но мы бы и без них управились, – высказал свое мнение Коломеец. – Гоним фрица и гнать будем, пока в его логово, в Берлин, не загоним. А там ему как и придет.

– Гнать-то гоним, только ведь с какими жертвами, – вздохнул Астафьев. – Нет уж, пускай и англичане с американцами на своей шкуре узнают, что такое настоящая война, а то привыкли все на чужих спинах выезжать. Считаю правильным, что они нам помогают. Глядишь, после войны поймут свои ошибки, да и вправду дружить с нами захотят.

Шубин не стал ему возражать, сидел молча, задумавшись. Да и зачем было возражать? Кто знает, как все сложится после победы? Сначала надо победить...

«Советский человек тем и отличается от всяких там колонизаторов и капиталистов, что всегда и во всем хочет видеть только хорошее. Стремится только ко благу для всех трудящихся в мире. Потому пускай уж лучше у нас у всех будут надежды на лучшую жизнь после войны, чем сомнения в надежности нынешних союзников. Время покажет, кто прав, а кто не прав в сегодняшнем разговоре», – размышлял он.

– Можно к вам погреться? – в землянку заглянул майор Бабенко.

Все разом вскочили со своих мест, приветствуя командира разведбатальона.

– Входите, Тимур Олегович, – пригласил Глеб. – Чайку хотите?

– Хочу, – ответил Бабенко, стряхивая снег с шапки и расстегивая полушубок. – Только сахар не клади. Врач не велел мне сладкого много есть. Жарко у вас, смотрю, даже в гимнастерках сидите, – заметил он, пожимая всем по очереди руки. – О чем толкуете? – обратился он почему-то к Коломейцу.

– Да все о наступлении разговор ведем, товарищ майор, – ответил водитель-механик. – Скорей бы уже. Не знаете, какую дату назначили?

– Знаю, – кивнул Бабенко. – Потому и зашел, чтобы сказать. Дело одно есть, надо его обсудить, – сказал он, принимая горячую кружку с чаем из рук Шубина.

– Раз по делу, так я пойду, наверное, – встал Коломеец.

– Сидите, Дмитрий... забыл, как по батюшке, – остановил его Бабенко. – Дело мое не секретное, да и лишняя голова нам наверняка понадобится.

Он осторожно, чтобы не обжечься, сделал маленький глоток из кружки, подул и снова неторопливо отпил. Потом поставил кружку на большой круглый пень, который заменял разведчикам стол, и сказал:

– А дело, сынки, такое. Вы и сами видите, какая нынче погода установилась. Январь, а метет, как в феврале. Снег липкий и мокрый. Не очень-то приятно, да? – подмигнул он Зубову.

– Это точно, – согласился тот, все еще не очень понимая, к чему клонит командир.

Зато Глеб сразу же сообразил, что к чему. Ему, в отличие от молодого Зубова, уже приходилось ходить в разведку в такую погоду, и он подозревал, что разговор Бабенко будет крутиться именно вокруг нюансов зимней разведки. Понял это и Астафьев.

– Товарищ майор, вы насчет задания нам пришли сказать?

– Не совсем, – покрутил головой Бабенко, расстегнул верхнюю пуговицу на кителе и улыбнулся. – Жарковато все же. – Потом продолжил: – Вопрос, который надо решить, конечно, связан с разведкой, но вот погода...

– Погода самое то, что надо для разведки, – заметил Зубов. – Идешь, а тебя никто не видит. Никому неохота высовывать нос в такую погоду.

– Не спорю, – согласился майор. – А потому надо нам, ребята, подумать, как бы сходить в тыл по такому вот мокрому снегу. На лыжах, сами понимаете, не очень-то побегаешь, а пешком и подавно недалеко уйдешь. «Как быть?» – спросите вы. Есть у меня мысли по этому поводу...

Он неторопливо обвел всех своими круглыми, как у рыбы-бычка, глазами, словно бы спрашивая позволения говорить дальше. Все молчали, зная, что манера общения с подчиненными у него такая – сказать, и тут же вопросительно посмотреть на всех, словно бы спрашивая то ли разрешения продолжить говорить, то ли ожидая от подчиненных проявления инициативы.

– Хотелось бы их услышать, товарищ майор, – отозвался на его взгляд Зубов. – Мысли, я думаю, ценные, коль уж вы о них намекнули.

Остальные промолчали, давая понять, что поддерживают просьбу товарища. Это не было проявлением коллективного угодничества, как кто-то мог бы подумать, глядя на эту картинку со стороны. Просто и Шубин, который появился в бригаде Слюсаренко совсем недавно, и Астафьев с Зубовым, которые уже целый год с небольшим воевали под командованием Тимура Олеговича, прониклись к нему не просто уважением как к командиру, но уважением как к человеку.

Бабенко не был воякой в полном понимании этого слова. Он был скорее гражданским человеком, чем военным. Но время и обстоятельства были выше его желаний и призваний и поставили майора в один строй со многими другими защитниками Родины. И Тимур Олегович, который всегда считал, что всякую работу, какой бы она ни была, надо выполнять так, чтобы не было стыдно перед другими, и в этом своем назначении старался быть на высоте.

Он никогда ни на кого не повышал голос, будь то офицер или простой солдат, никогда не стремился показать себя умнее и компетентнее других своих командиров. Всегда внимательно выслушивал все доклады, мнения и предложения и никогда не принимал важных решений в одиночку, не посоветовавшись перед тем со своими командирами. Не потому, что Бабенко был некомпетентен или боялся ответственности, а потому, что уважал их мнение. Он понимал, что, сидя в штабе, не видит всю обстановку на линии фронта так, как видят ее действующие непосредственно на земле его подчиненные.

Вот и теперь, когда пришел в землянку к Шубину, казалось бы, из-за пустякового дела, он хотел, прежде чем высказать свое мнение, выслушать, что думают по этому поводу Глеб и другие разведчики. Он так и сказал:

– Я бы хотел сначала услышать ваше мнение. Как бы вы, капитан Шубин, проводили разведку при таком вот раскладе погоды? Я имею в виду, конечно же, липкий снег и невозможность использовать обычные лыжи.

Глеб мысленно улыбнулся. Уже в самом вопросе Бабенко был ответ на этот вопрос.

– Для прохождения по липкому снегу лучше всего использовать не обычные лыжи, а специальные снегоступы, – ответил он.

– Вот-вот, – оживился майор. – Об этом я и веду речь. Есть предложения по этому поводу?

Он взял в руки кружку и с удовольствием сделал хороший глоток несколько остывшего чая.

– Если можно, то я выскажусь, – взял слово Коломеец.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.